

вится республикой и казнят ея возлюбленнаго; гибнущая на вистълицѣ болгарская заговорщица Дитка; итальянская коммунистка Карлотта; наконецъ, центральная фигура крупнѣйшаго очерка — твердокаменный большевик, безжалостный и «святой» — Егор.

Чертами своего характера и эпизодами жизни, рассказанными автором, Егор Вишнякин является как бы псевдонимомъ Георгія Пятакова. Усмотрѣнемъ автора, однако, Егор оказывается участникомъ августовскаго процесса 17 — Зиновьева - Каменева, тогда какъ Пятаковъ, какъ извѣстно, былъ судимъ вмѣстѣ съ Радекомъ, Сокольниковымъ и др. въ январѣ. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ того, какъ въ произведеніи, в которомъ художественность приближается иногда къ фотографичности, — репортажъ превращается въ «романъ».

Тѣмъ не менѣе, если брать «Фальшивые Паспорта», какъ произведеніе литературы, — книгу надо признать внутренне правдивой. Она не отягчена морально - дидактическими разсужденіями и даетъ живое изображеніе революціоннаго и, въ частности, большевистскаго комплекса. Здѣсь нѣтъ «сатанинскаго» изображенія зла, а есть изображеніе конфликта между добромъ и зломъ, который даже у героическаго большевика разрѣшается въ побѣдѣ безпощадной жестокости надъ человѣчностью.

Революція, какъ она представляется даже тонко чувствующему интеллигенту, обожающему Моцарта, — и в этомъ трагедія и революція, и революціонера! — «не дозволяетъ быть справедливымъ». «Жертва жизнью ради интересовъ партіи» — вещь, распростирающаяся не только среди коммунистовъ. Коммунистическая «мораль» требуетъ другого: — «Остаться жить, пожертвовавъ своею мыслью, — вотъ гдѣ начинается преданность партіи». «Существуютъ большія цѣнности, чѣмъ истина», — партія, Интернаціоналъ! Ибо для коммуниста не существуетъ истины и справедливости самихъ по себѣ; существуетъ лишь классовая истина и справедливость, и коммунизмъ к тому и призванъ, чтобы создать условія торжества всеобщей справедливости, — утверждаетъ правотворный коммунист.

Коммунист чуждъ вѣры въ личное безсмертіе, но въ существованіе опредѣленной миссіи у партіи — онъ вѣритъ, и ради престижа и поддержанія партійной дисциплины, коммунист не остановится передъ уничтоженіемъ и разстрѣломъ даже ближайшаго друга или брата. Такъ поступалъ Егоръ Вишнякинъ, бывшій и подъ Свѣяжскомъ, и въ бою съ Антоновымъ подъ Тамбовомъ. Такъ же поступили и съ самимъ Егоромъ — въ новеллѣ Плинье, и съ осужденными по процессу «17», «16», «21» и др. — в реальной дѣйствительности.

Не будемъ искать біографической или автобіографической правды въ «Фальшивыхъ Паспортахъ». Удовольствуемся тѣмъ, что авторъ говоритъ: «Чѣмъ больше я восхищаюсь этимъ героизмомъ, тѣмъ глубже ощущаю его ужасъ»...

М. Вишнякъ.

Thomas Mann. — Avertissement à l'Europe. — Préface d'André Gide. — NRF.

Выдающийся писатель, увѣнчанный литературной преміей Нобеля, Томасъ Манн нисколько не былъ склоненъ заниматься активной политикой. Онъ признается, что и не представлялъ себѣ, чтобы на старости лѣтъ ему, художнику по призванію и ремеслу, пришлось очутиться в гущѣ политическихъ событій и даже среди политическихъ эмигрантовъ.

В течение четырех лет Манн обрекал себя на «презренное молчание», как он сейчас выражается, в расчете сохранить безцѣнную для писателя связь с читателем, с германским народом. Жертва оказалась напрасной. Убѣдившись в этом, Манн мужественно принял удар судьбы и из эмигрантскаго далека стал приглядываться к тому, что происходит в мѣрѣ и с мѣром. Плодом его размышлений и явилось «Предостереженіе Европѣ», выпущенное французским издательством вмѣстѣ с очерками — «Испанія» и «Христіанство и социализм».

На собственном опытѣ Манн убѣдился, что желаніе уйти от политики в наше время «не только эгоистично и ирреально, оно и нелѣпо, обнаруживая не столько даже умственное невѣжество, сколько моральное безразличіе». «Политическій и социальный строй составляют неразрывную часть человѣческаго цѣлаго». Грѣх против политики есть грѣх против человѣчества. «Поэт, не выдержавшій испытанія по отношенію к человѣческой проблемѣ, принявшей политическую форму, предает не только свое духовное призваніе ради выгоды и интереса, он и пропащій человѣкъ».

Т. Манн обладает острым чувством Европы. Если Европѣ суждено погибнуть, Томас Манн будет канонизирован, как один из послѣдних европейцев, для котораго Европа была не только географическим понятіем, но и синонимом гуманизма и идеализма.

Автор не преувеличивает реальной силы и возможностей гуманизма. Он правильно замѣчает: «во всяком гуманизмѣ есть элемент слабости, вытекающій из его отталкиванія от всяческаго фанатизма, из терпимости гуманизма и склонности его к снисходительному скептицизму, одним словом — из его естественной доброты. При опредѣленных условіях это может стать для гуманизма фатальным».

Т. Манн связывает современные анти-гуманистическія тенденціи — в частности, молодежи — с ея анти-интеллектуализмом. Люди не отдают себѣ отчета в «опасностях, которыя представляет для человѣчества и культуры всякій анти-интеллектуализм — интеллектуализм разсудка. В анти-интеллектуализмѣ главная причина отталкиванія от истины, свободы, справедливости, — особенно от истины, которая подмѣняется «мифом» и «геронизмом». «Когда всматриваешься и спрашиваешь себя: что хочет этим сказать пришедшій в раж мелкій буржуа, — убѣждаешься, что в его пониманіи «миф» обозначает упраздненіе всякаго различія между истиной и шарлатанством».

Манн не боится говорить о Богѣ, но «пафос» его устремлен в другую сторону — не к небесам, а к земному творчеству. По его убѣжденію, — «недопустимо в нашем безбожном и безразсудном мѣрѣ противопоставлять волю к созданію лучшаго порядка — метафизику, религію, внутренний мѣр, как вещи, якобы единственно достойныя уваженія». И он сочувственно цитирует «великаго индивидуалиста Ничше дающаго чисто социалистическій звук»: — «Против земли грѣх — самый ужасный из грѣхов... Не прятать надо своей головы в заоблачную высь, а носить ее гордо, эту земную главу, осмысливающую землю».

И Германія, и Европа спаслись бы, по Манну, если бы Германія вернулась в Европу, примирилась бы с ней. Но в это Т. Манн не вѣрит. И ему остается лишь молить Провидѣніе «охранить помрачившуюся и сбившуюся с пути родину, внушить ей заключить мир с другими и с самой собой». Отсюда же и его предостереженіе Европѣ.

М. В.